





## Пример 1

♩ = 116

&lt; 1. ... &gt;



2. А, про\_е\_зжал тут ма\_йор, да по\_лко\_вни\_чок.



3. А, про\_е\_зжал-от по\_лко\_вник, так на\_ра\_до\_стнай,

4. А, он нарадостнай да он немилост&lt;ив&gt;.

5. А, у боѣатова крастьяна стали стол столовать,

6. А, одного-то &lt;солдатца&gt; во солдаты взять,

7. А, во солдаты взять да в казаки писать.

несенных в архивной описи к коллекции Богораза (см. пример 1). Богораз возглавлял Анадырский отдел экспедиции, однако автором записи могла быть его жена Софья Константиновна, сопровождавшая мужа в этом труднейшем полярном предприятии. В течение нескольких месяцев 1900 и 1901 гг., в то время, когда Богораз работал на Камчатке и затем по побережью Охотского моря двигался в сторону устья Анадыря, в Мариинский Пост, Софья Константиновна оставалась на Анадыре и собрала большую часть материалов для американского музея, передвигаясь между Марковым и Мариинским Постом<sup>4</sup>.

Удалось выяснить имя исполнительницы, отсутствующее в архивной описи. Песня записана на том же цилиндре, что и историческая песня о смерти Лопухина, перед началом которой исполнительница называет себя «Ульяна, вот по прозванью Никитевна...». На картонном футляре из-под цилиндра (№ 58), который также находится в Архиве Традиционной Музыки, имеется следующая надпись: «Марково — № 3 — 1) Лопухин — 2) Крестьянский сын и Маёр — Лопухин — Маер Павутски — Сазычиха — Митинка данильевич»<sup>5</sup>. Прозвище Сазычиха, очевидно, происходит от старожильческой марковской фамилии Созыкиных, из чего можно сделать вывод, что песню пела Созыкина Ульяна Никитична.

Марковская песня о крестьянском сыне и майоре была известна автору еще с конца шестидесятих годов по магнитофонной записи уроженца Маркова Э.В. Гунченко (в то время сотрудника научно-исследовательского института в Магадане), сделанной в 1965 г. от Ксении Андриановны Созыкиной (!), которой было тогда, по словам собирателя, более шестидесяти лет:

*Приезжал-то [к] нам майор-полковничек,  
Привозил он нам,*

*Привозил он нам да не радости,  
А не радости, слёз.  
У крестьянушки было три сына,  
Все родимые...<sup>6</sup>*

Текст также фрагментарен, без сюжетного развития, но, по словам Гунченко, в Маркове считают, что это песня о майоре Павлуцком (см. пример 2). В приведенной надписи на футляре из-под цилиндра, как мы уже видели, песня, наряду с принятым в научной среде обозначением «Крестьянский сын и Маёр», помечена местным названием с местным же произношением — «Маер Павутский», и это подтверждает закрепленную в сознании марковцев связь ее содержания с личностью Павлуцкого. Подтверждается это и еще одним документом, относящимся к Джесуповской экспедиции. В Петербурге, в Архиве Академии Наук, хранится полевая тетрадь с текстами, записанными дополнительно к фонограммам. Тетрадь так и названа автором записей — «Фонограф. Тексты к записям в Маркове 1901 г.»<sup>7</sup>. В ней приводится полный текст песни с вынесенным заглавием: «Маер Павлуцкой».

Майор Павлуцкий — последний «конкистадор» Сибири, которому в 30-е — 40-е годы XVIII в. было поручено довести до конца подчинение российской короне всех местных племен. Он возглавлял казаков в последних русско-чукотских битвах, в которых его союзниками были юкагиры, чуванцы, коряки, сами страдавшие от набегов чукчей. От Колымы до Камчатки простиралось поле сражений Павлуцкого, от Колымы до Камчатки пронеслась и закрепилась в памяти людей слава его — для одних кровавая слава «худо убивающего», для других — слава всеильного начальника, бесстрашного воина, надежного защитника. Фердинанд Врангель, возглавлявший



Пример 2

*Распевно*

При\_е\_а\_ жал- то нам ма\_йор\_по\_лю\_ко\_ ви\_чек,  
 При\_во\_вил он нам, //

При\_во\_вил он нам да не ра\_до\_сти,  
 А не ра\_до\_сти, слё\_са. //

У\_кре\_стья\_ну\_шки бы\_ло три сы\_на,  
 Все ро\_ди\_мы\_е. //

экспедицию к северным берегам Сибири в 1820—1824 гг., с удивлением констатирует: «Совершенное неведение жителей об открытиях Андреева, помещенных даже на новейших картах, показалось нам тем страннее, что о походах Павлуцкого, бывших гораздо ранее (т.е. в 1731 г.), еще многие подробности были им известны»<sup>8</sup>.

Майор оставил по себе несколько топонимов на якутско-чукотской «землице», его имя стало легендарным: о нем передаются предания, складываются песни.

*Смотри, как черный медведь там по бору идет, смотри, как все лесины пред ним гнутся, валятся; земля дрожит; волки и россомахи падают мертвы от дыхания его: это Павлутский! Это Русак!..*

— так пел старик юкагир на Колыме, и песню эту записал Федор Матюшкин, участник экспедиции Ф. Врангеля<sup>9</sup>.

По-видимому, самое раннее упоминание Павлуцкого в связи с фольклорным произведением было сделано его совре-

менником С.П. Крашенинниковым. Их объединяли и совместная служба на Камчатке, и семейные связи<sup>10</sup>. В «Описании земли Камчатки» приведена ительменская песня, сочиненная в дар подполковнику Мерлину, майору Павлуцкому и студенту Крашенинникову (см. пример 3):

*Ежели бы я был маеорской повар, то б снял с огня котел с кушаньем.  
 Ежели бы я был прапорщиков повар, то бы всегда снимал котел в перчатках.  
 Ежели бы я был Павлуцкой, то бы повязался белым галстуком.  
 Ежели бы я был Павлуцкого Иван, то бы носил чулки красные.  
 Ежели бы я был студент, то б описал всех девок.  
 Ежели бы я был студент, то бы описал быка рыбу.  
 Ежели бы я был студент, то бы описал всех морских чаек...<sup>11</sup>*

Это песня вполне мирного содержания, относящаяся к тому периоду жизни Павлуцкого, когда он в течение нескольких лет вел на Камчатке следствие по делу о Кам-

Пример 3



чатском бунте 1731 г., а заодно занимался вполне мирными делами — заботился, например, о разведении рогатого скота и злаковых культур.

Другое дело юкагирская песня и чукотские предания — они повествуют о битвах. Вот продолжение песни, слышанной Федором Матюшкиным:

*Смотри, как за ним его славная дружина, его ясные соколы летают и увиваются!*

*Но там что под камнем чернеет, там в ущелине той крутой скалы? — То берлога медведя Чукотского, славного Шамана и Витязя, сильного Кочина юрта! Все Чукотское разбитое воинство в нем только видит спасение.*

*Ой! ты славный Русский герой! не в юрте ты меня здесь убьешь; не баба я: выйду тотчас в бой! Дай надену я свой куяк (панцирь), вооружусь тяжёлым копьём, повяжусь большим ножом. Успех решит: кто сильнее, мои ли духи, твой ли бог?*

*И нечистый спускается на свое достоинство, на Кочина. Кровь и огонь брызжут из глаз его, и руки его уже поднимается, адом подкрепленная!*

*Павлутский видит дерзость адову против всеильного бога, противу воинства христианского. Вдруг наморщилося чело его, глаза засверкали так, что солнце потеряло свет; он бросается на Кочина, вырывает копьё сильного, хочет поразить его тяжёлым палашиом; Кочин уклоняется, исторгает листовень с корнем, взмахивает, да поразит ю Русского, — но тут пуля роковая прошивстала славному прямо в грудь. «Кто из вас осмелится отнять славу мою и честь мою? Пусть орлы вас Чукотски всех убьют».*

*Зишумело стадо орлино; свистом бросилось на Русских. Долго дрались ясные соколы с орлами мощными; много пало ясных соколов — и Русскому стало жаль своих! Он взревел зычным голосом, и все стадо разлетелось в разны стороны<sup>12</sup>.*

Начиналось же повествование, по словам Матюшкина, с повеления «дщери солнца» — императрицы Елизаветы идти Павлуцкому против чукчей, «далее: прощание его с женою и детьми. Проезд в Нижне-Колымск. Набор команды. Потом его поход, сражения, смерть».

Погиб Павлуцкий в марте 1747 г. По преданию, был он жестоко замучен чукчами, попав к ним в плен в последнем своем сражении, будучи уже тяжело ранен. Устная память анадырщиков настолько цепко

хранила подробности походов Павлуцкого и его смерти, что более чем через столет житель села Марково Афанасий Ермилович Дьячков рассказывает об этих событиях, как современник:

*Павлуцкий повстречался с чукчами у озера, ныне называемого Майорским. Как только началась битва, изменники пустились в бегство. Между тем, чуванцы, вероятно, не скоро после ухода майора из острога, пришли в оный и, не заставши русских, поспешили за ним, потому что знали неверность коряков. Дорогой они повстречали беглецов еще не далеко от острога, которые сказали чуванцам, что никого в живых в битве не осталось, и майор убит... Между тем майор с несколькими верными казаками долго сопротивлялся неслетному множеству чукчей и, если бы чуванцы, не послушавши изменников, поехали вперед, то застали бы майора еще в живых. Так мученически кончил жизнь свою сей доблестный полководец вследствие измены. Чукча, попавший в плен чуванцам, следующим образом описывал кончину майора. После побега изменников чукчи долго не могли убить Павлуцкого, потому что он носил панцирь. Чукчи долгое время стреляли в него из луков и кололи копьями, а все-таки не могли его ранить; наконец, обступили его, как волки оленя, запутали ремнями, уронили на землю и нашли место заколоть, под самым подбородком. По такому событию и озеро то прозвалось «Майорским»<sup>13</sup>.*

Неизгладимое и устрашающее впечатление производил на чукчей сверкавший на солнце панцирь Павлуцкого, делавший его неуязвимым. «Огнивный таньг, одетый железом, худо убивающий», «одетый белым панцирем, подобный белой чайке, с длинным копьём в руках», — так рисуется Павлуцкий<sup>14</sup>.

Легендарная кольчуга Павлуцкого имела свою историю и после смерти майора. Одновременно с распространением фольклорных преданий она продолжала свою реальную жизнь, передаваясь из поколения в поколение в тойонском роде чукчей, победивших русского начальника. Из рук последнего ее владельца кольчуга попала к колымскому исправнику барону Майделю, о чем тот рассказывает в своем «Путешествии по Северо-восточной части Якутской области»:

*Я очень трогательно простился со стариком Амвараогиным... В качестве последнего дара он*





принес мне кольчугу Павлуцкого, которая находилась в его семействе, насколько он мог припомнить, со времен деда. О смерти Павлуцкого он не мог мне ничего рассказать или не желал этого по каким-то ему одному известным причинам, но он утверждал, что кольчуга принадлежала майору; по всей вероятности, оно так и было. Она состояла из очень искусно вложенных друг в друга железных колец и напоминала собой род панцирей, которые носили сподвижники Ермака Тимофеевича и первые продолжатели его дела. В западной Сибири таких кольчуг было найдено несколько, в восточной же они крайне редки. Во всяком случае, они были уже неизвестны завоевателям Кольмы. Только про Павлуцкого рассказывается, что в своих походах он всегда носил подобный кольчатый панцирь. Примечая в расчет, с одной стороны, то обстоятельство, что такая кольчуга у него действительно была украдена, а с другой, что сражение, в котором он погиб благодаря измене сотоварищей, было единственным, в котором чукчи одержали верх над русскими, не подлежит сомнению, что кольчуга эта принадлежала ему. Я принес ее в дар Иркутскому музею, где она погибла во время пожара в 1879 г.<sup>15</sup>

Неудивительно, что старый Амвраоргин не захотел рассказывать русскому исправнику о кончине майора. Гибель Павлуцкого, ставшая для чукчей символом прекращения войн с русскими, приобретает в их преданиях кульминационное значение. Она описывается в разных вариантах, которые соперничают в изощренной жестокости. В некоторых казнь происходит на глазах других пленных русских в назидание: «Сказали им: "Будете смотрящими, что мы сделаем, что [б] прекратилось худое убивание наших"»<sup>16</sup>.

В.Г. Богораз слышал и записал несколько «Сказок о Якунии» — с этим именем вошел майор Павлуцкий в чукотский фольклор<sup>17</sup>. Часть таких сказок-преданий, которые чукчи относят к разряду «Времен раздоров вести», он опубликовал в научных трудах, ввел в свои «Чукотские рассказы»<sup>18</sup>. Подробности этих преданий, по его свидетельству, «до известной степени совпадают и с русско-юкагирскими преданиями»<sup>19</sup>. Одно из них Богораз записал от обрусевшего омолодонского старика Иннокентия «Югловского». Этот текст был обнаружен автором в тетради, хранящейся в Архиве Института Востоковедения РАН в Петербурге:

*А то был в старину русский богатырь Пхлуцкий ли, как ли. Так он дрался тоже с чукчами, так он в кольчуге ходил. Он один-то, а чукоч обуза целая. Ну чукчи его обступят, а он одного возьмет, да так на все стороны махает. Ну, однако, напоследок его одолели, так проколоть-то не могут, а давком его взяли, повалили, всево истискали, все живком его взяли, глаза-то вынули, лицо изрезали, а колоть станут, позж ломается, так напоследок сам он от великой муки кольчугу растегнул и грудь свою открыл. Ну после кольчугу смотрели, так сколько-то пудов<sup>20</sup>.*

Деятельность майора Дмитрия Ивановича Павлуцкого была столь значительна и приметна, что его имя непременно и многократно упоминается в «Отчетах...», «Путешествиях...», «Описаниях...» географов, историков, исследователей Северо-Востока Сибири XVIII—XIX вв. Кроме ратных дел, он был и начальником Анадырского острога, и якутским воеводой; его поход по побережью Ледовитого океана доказал возможность прохождения по суше пути от мыса Шелагского до Чукотского носа; по инициативе Павлуцкого было произведено обследование побережья и островов в проливе Беринга, что положило начало открытию Америки со стороны Сибири<sup>21</sup>. На этом фоне молчание наших энциклопедий кажется не случайным (статьей о Павлуцком нет ни в Большой, ни даже в специальной Сибирской советских энциклопедиях). Есть, правда, статья в энциклопедии Брокгауза и Эфрона<sup>22</sup>. Павлуцкий назван в ней скромно и безобидно: «Майор, путешественник»; затем перечисляются некоторые его походы, а кончается статья сведением: «Умер в Якутске воеводою». Что это — ошибка, фальсификация? В издании «Путешествия...» Ф. Врангеля (1948 г.), в именном указателе Павлуцкий назван не менее скромно и безобидно: «Исследователь северо-востока Азии». Скорее всего это тоже явление «мифотворчества», в этом случае официально-идеологического. Противоречивый персонаж эпохи колонизации Сибири не должен был наводить тень на реноме национальной политики ни царской, ни советской власти.

Но вернемся к русской, марковской песне, наиболее полный словесный текст которой был записан в тетради в те же дни или в тот же день, что и фонограмма. В правом верхнем углу листа с текстом песни сделана приписка: «Записана на целиндр № 1—2 Лапухин (так. — Т.Ш.)». Это еще одно доказательство соответствия записи в тетради той фонограмме, что была сделана от «Ульяны Никитевны, Сазычихи»:

*Маер Павлуцкой*

*Жил хрестьянушко в селе богатом,  
У него-то були три сына.  
Тут приезжал к нему маер-полковничек  
От самого литца государева.  
Он читат указ нерадостной,  
Из троих братьев просит во некруты.  
Спроговорил хрестьянушка богатырь:  
— Мне большего-то сына нельзя дать,  
А средняго мне не хочется,  
А меньшему-то господь велит.  
Тут хрестьянский сын задумался  
И запечалился, и расплакался.  
— Ах, ты мой батюшка родимый,*

*Те-то тебе детушки, видно, родимые,  
А я-то видно пасынок.  
Тут хрестьянушка запечалился  
И ужалился, и расплакался.  
— Все вы мои детушки родимые  
И подите в нову кузницу,  
А вы скуйте все по пожечку,  
Как по пожечку, по булатному,  
И подите в чисто поле,  
И находите вы раKITовый куст,  
И срешите все по прутки,  
Вы досейте все по жеребу,  
Вы бросайте во сине моря.  
Старшаго-то сына поверх плават.  
Среднего брата под потреть воды,  
А меньшего брат[а] жереб как ключ ко дну.  
Тут крестьянский брат расплака[лся].  
— Ах, вы братья все родимые,  
А вы подте к отцу, матери  
И к молодым женам.  
Отцу, матери — благословение,  
И роду племяни — челобитеца,  
А мне-то уж как Бог велит.  
Конец<sup>23</sup>.*

Это известная и некогда распространенная песня, относящаяся к рекрутскому циклу. Она много раз публиковалась, будучи записанной в разных областях России<sup>24</sup>. Исследователи связывают ее содержание с принятыми в начале XVIII в. наборами в армию на 25-летний срок. Следовательно, оно никак не отражает судьбу майора Павлуцкого.

Нам не известны какие-либо русские песни, сложенные о Павлуцком или в связи с ним, как это произошло в фольклоре аборигенов, хотя на Колыме Богораз записал две песни о жизни местных казаков<sup>25</sup>. Русское песнетворчество проявлялось здесь главным образом в жанрах колыбельных и песен, которыми пестовали детей, шуточных уличных песенок и лирических импровизациях — андильщинах<sup>26</sup>, тогда как эпические и лиро-эпические песни — былины, баллады, исторические — сохраняли свои традиционные тексты, в некоторых случаях лишь наполняясь местными топонимами, оборотами местной речи. В этой связи примечательно, что юкагирская песня о Павлуцком сложена с заметным влиянием и православия, и русской эпической лексики.

Очевидно, магия звучания начальственного слова «майор» вызвала у марковцев совершенно конкретные ассоциации. Влияние местных преданий о Павлуцком, добрая память о котором — по свидетельству Г. Майделя — жила между жителями Анадыря<sup>27</sup>, и память о том, как Павлуцкий производил среди местных жителейборы в свое ополчение для отпора чукчам, — все это крепко связало майора из рекрутской песни с майором Павлуцким.

Интересно, что два марковских напева, записанные с промежутком в шестьдесят пять лет, заметно отличаются друг от дру-

га и, в то же время, объединены целым рядом признаков, тяготеющих к архангельским вариантам этой песни с берегов Пинеги, Мезени и Печоры<sup>28</sup>. При различной ритмической интерпретации тонического девятисложного стиха безусловна общая картина интонационно-ладового развития: соотношение устоев, иногда почти буквальное совпадение ступеней в моменты мелодико-стиховых акцентов, совпадение целых мелодических оборотов. Наибольшее сходство проявляется с одним из мезенских (Песенный фольклор Мезени, № 53) и нижнепечорским (Песни Печоры, № 196) вариантами. Наряду со значительной интонационной близостью (несмотря на отличие конечного устоя в нижнепечорском напеве), здесь — то же одностиховое строение напева. Однако композиция мезенской и нижнепечорской песни отличается наличием зачина — цепного запева, который вычленяет и повторяет последнее полустиише. Такая песенная строфа в полтора стиха в одном из марковских вариантов (запись 1965 г.) трансформируется в аналогичную строфу, где «третье» полустиише выполняет не запевную функцию, а функцию каденционного дополнения. Примечательно, что мезенские певички при пении изредка пропускали зачины (о чем сообщают в комментариях к песне авторы записи), и таким образом возникла чисто одностиховая музыкальная форма, аналогичная марковскому варианту столетней давности. Возможно, одностиховая форма являлась первичной в эволюции песни. Такие ее образцы были зафиксированы в Поморье, где песня бытовала в качестве рекрутского причитания<sup>29</sup>.

Композиционное и ритмическое различие марковских напевов при определенном интонационном их родстве можно объяснить или бытованием здесь версий песни — эпической (запись начала века) и лиро-эпической (запись 1965 г.), или тем, что песня эта не была общераспространенной на Анадыре и изменялась, подчиняясь индивидуальной исполнительской трактовке. Так, запись 1965 г. демонстрирует сильно-импровизационную манеру пения, что проявляется в ритмической и метрической нестабильности мелодико-стиховых построений.

Словесный текст марковской песни также близок названным записям из Архангельской обл.

Близкий вариант той же песни (ее поэтический текст) был записан в 1946 г. и на Индигирке<sup>30</sup>. Совершенно очевидно происхождение анадырской и индигирской песен из одного источника (по-видимому, восточной части Русского Севера). О какой-либо связи песни, записанной на Индигирке, с





именем Павлуцкого ничего не известно, хотя здесь о нем безусловно знали, и на берегу самой реки стояла путевая мета — крест, называемый «Майорским»<sup>31</sup>. Да и само слово «майор» выпадает из индигирского варианта, оказывается необязательным, там поется: «*Приезжал молодой полковничек...*» Связь песни с образом реального Павлуцкого произошла именно на Анадыре, вблизи современного Маркова, где разыгрывались когда-то наиболее значительные эпизоды военной биографии майора.

Таким образом, перед нами раскрывается наглядная картина рождения фольклорных ипостасей реального исторического лица. С одной стороны, это мифологизация исторического героя в фольклоре аборигенов, с другой стороны — историческая персонификация героя фольклорно-го в русской песне марковцев.

### Примечания

<sup>1</sup> Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. С. XIII.

<sup>2</sup> Шенталинская Т.С. «Не прошло и ста лет...» // Живая Старина. 1999. № 2. С. 31—34.

<sup>3</sup> В <угловые скобки> здесь и далее помещены фрагменты текста, неясные при прослушивании звукозаписи или прочтении рукописи.

<sup>4</sup> The Jesup North Pacific Expedition // The American Museum Journal. Vol. III. October, 1903. № 5. P. 110. См. также: Шенталинская Т.С. «Не прошло и ста лет...» // Указ. изд.

<sup>5</sup> Тире проставлены автором, чтобы отделить надписи, бессистемно расположенные по картонной поверхности футляра. Звукозапись былины «Митинка (Мишенька. — Т.Ш.) Данильевич» сильно искажена механическими повреждениями, практически не поддается расшифровке.

<sup>6</sup> Песня вошла в дипломную работу автора по окончании Государственного Музыкально-педагогического института им. Гнесиных: Шенталинская Т.С. «Песни села Марково». 1969 г. № 27. С. 80.

<sup>7</sup> Богораз В.Г. Фонд 250, оп. 1, ед. хр. 118а.

<sup>8</sup> Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. Издательство Главсевморпути, 1948. С. 155.

<sup>9</sup> Там же. С. 385—386.

<sup>10</sup> С.П. Крашенинников был женат на племяннице жены майора Павлуцкого. См.: Письмо профессору Миллеру от 13 ноября 1741 г. // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М., Л., 1949. С. 640.

<sup>11</sup> Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С. 431. Здесь приведен перевод начального фрагмента, в котором упоминается Павлуцкий.

<sup>12</sup> Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. С. 385—386.

<sup>13</sup> Анадырский Край: Рукопись жителя села Маркова г. Дьячкова // Записки Общества изучения Амурского края. Т. II. Владивосток, 1893. С. 38—39.

<sup>14</sup> Тан (Богораз В.Г.). Восемь племен. Чукотские рассказы. М., 1962. С. 324—325.

<sup>15</sup> Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868—1870 годах барона Гергарда Майделя. СПб., 1894. С. 264.

<sup>16</sup> Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г. Богоразом. Часть 1: Образцы народной словесности чукоч. СПб., 1900. С. 334. В [квадратные скобки] здесь и далее помещены фрагменты текста, восстановленные автором.

<sup>17</sup> Богораз высказывает предположение, что Павлуцкий, по традиции русских на Колыме и Анадыре, имел особенное уличное имя — «Якуня». См.: Богораз-Тан В.Г. Чукчи. С. 172.

<sup>18</sup> Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. Указ. изд. №№ 15, 127, 128, 129.

<sup>19</sup> Там же. С. 93.

<sup>20</sup> Иохельсон В.И. Фонд 23, оп. 1, ед. хр. 10(3), л. 212 об. Тетрадь несомненно принадлежит В.Г. Богоразу и относится ко времени его участия в экспедиции Сибирякова, о чем свидетельствуют и по черк, и содержание записей, и даты (см. также: Скрыбькина Л.Н. Записи былин В.Г. Богораз, обнаруженные в собрании В.И. Иохельсона // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 153—158).

<sup>21</sup> Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 91.

<sup>22</sup> Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXIV. СПб., 1897. С. 575.

<sup>23</sup> Указ. тетрадь, л. 11-11 об. Сохранена орфография оригинала, очевидно, передающая местное произношение; добавлены необходимые знаки препинания.

<sup>24</sup> См. перечень публикаций: Песни Пинежья. Кн. 2. М., 1937. С. 480—481 (коммент. к № 107); Фольклор Русского Устья. Л., 1986. С. 323 (коммент. к № 135).

<sup>25</sup> Областной словарь Колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В.Г. Богораз // Сборник ОРЯС. СПб., 1901. Т. 68, № 4. С. 302, 303. №№ 137, 138.

<sup>26</sup> Там же. С. 174—177.

<sup>27</sup> Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868—1870 годах барона Гергарда Майделя. С. 64.

<sup>28</sup> Песни Пинежья. № 107, 107а; Абрамский А. Песни Русского Севера. М., 1959. № 50; Песни Печоры. М.; Л., 1963. № 2, 196; Песенный фольклор Мезени. Л., 1967. № 52, 53.

<sup>29</sup> Русские народные песни Поморья. М., 1966. № 82; Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971. № 17.

<sup>30</sup> Фольклор Русского Устья. № 135. С. 253.

<sup>31</sup> Ф. Врангель пишет, что крест этот был «поставлен Павлуцким перед походом (и смертью) его в Чукотскую землю» (Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. С. 376).